

СТРОГИЙ ЮНОША

Евгений Горон не похож на своих ровесников. Его голос, движения, выправка – тоже отдельно. Таким должен был видеться Строгий юноша, герой пьесы Олеси – ее в свое время любило поколение, которому сейчас около пятидесяти: новый, непонятный, выдержанный, металлически-светлый.

Мы помним слова Цветаевой о том, что «все поэты всех времен говорят одно. И это одно так же остается на поверхности кожи мира, как сам зримый мир на поверхности кожи поэта».

Но иногда кажется, что чем моложе и новее поэзия, тем более в текстах молодых авторов ощутим груз предыдущих опытов, поэтому от них ожидаешь либо эпигонства, либо нарочитого новаторства. Но в случае Горона это опасение напрасно. Это очевидный пример самостоятельного голоса, говорящего, конечно, о том же, но так сильно и коротко, а иногда и так отчаянно, что кажется, будто он физически страдает от вербализации того напряжения, которое и делает его поэзию столь интенсивной:

Вытяни из меня,
Я прошу тебя, Боже, вытяни,
Эту струнную тишину,
Неживую усталость – нитями.

Горон работает с ритмом, подстраивая его под свой собственный голос более, нежели под современную скорость жизни, в которой каждый человек поспешен. Он боится остановиться, скорее всего, от страха перед рефлексией, которая может затянуть в депрессивность и бездействие, а наш поэт, как мы уже говорили, интенсивен и деятелен даже в душераздирающих лирических стихах. Здесь же нужно услышать и особое сочетание сонорных и гласных звуков, а это тоже хороший проводник смыслов. Он пишет так, чтобы мы могли ощутить энергию звука и стопы, еще до того, как они сложатся в образ:

Будто лев,
Цирковой и косматый,
Что чует свободу
Меж прутьями,

Стоя в клетке,
Вынюхивал

Верхние ноты,
Тонкие запахи:
Мяту,
Корицу,
Плющ.

Каждый звук

В этой черной,
И синей,
И серой,
И сущей,
Что после сгорит в кармин,

В еще одну горькую астру
Угрюмого дня, –

Принимал
За свидетельство,

Знак
Твоего
Присутствия.

Таковы острота, пряность и цвет состояния, но они могут быть поняты только будучи проводимыми этими ритмами. В его любви есть особый вкус, этот немногословный лиризм перенаселен нечитанными прежде ощущениями. Горон не сентиментален, но поэтически нервен, жаден, напряжен, и потому чаще находит животную, биологическую метафору.

Бродский писал о том, что у всякого поэта есть свой собственный излюбленный идеосинкретический пейзаж. Горон, пока еще чистейший лирик, видит идеальный пейзаж таким образом, что главным его показателем является пустота, поскольку с населенностью людьми, строениями или перспективами он не должен резонировать:

Эта долгая страсть –
Все равно что зависимость,
Личная форма риска,

Драма бабочки и огня.

Или:

Останься со мной.
Здесь, в этом городе,
Есть все, что нам нужно.

Никаких людей,
Никакой смерти –
Лишь звезды,
Чьи падшие души пьем,
Принимая их за росу
После ночи любви.

Драма бабочки и огня, Эрос и Танатос – это и есть то главное, о чем пишут и будут писать всегда. Ритмы и образы, в которых эта тема разрешается в стихах Евгения Горона, представляют собой свидетельство совершенной новизны его таланта.

Елена Пастернак

Фотографии Дины Данилович

ПЕРСОНАЖ

Никакого трагичного персонажа,
Лирического героя,
Как, собственно, и геройства,
В сказанном ниже
Нет.

Да и быть не может.

Прочитай и представься,
Пожалуйста,
В этот хотя бы раз
Уже только собой.

Выпускай из себя
Этих гладких
Жеманных мальчиков,
Восстающих из красоты:

Свежих,
Срезанных, как цветы,
Вид которых –
Отнюдь не щедрая радость глаза,
Но попытка заполнить пустошь
Тех самых глаз.

В тот же час,
Как только они увянут,
Опустив пред тобой
Свои блеклые хрупкие головы,

В самый последний раз

Присягая тебе
На ненужную больше верность
И простивших бы все –
Ты только добавь воды...

Констатируй –
Себе –
Пришедшую в пору зрелость,

Им –
Засохшим –
Что это
Уже не ты.

февраль 2016

. . .

Так начиналось:
Было не то чтобы очень горько,
Но вязало, как от хурмы.

Время, сужаясь,
Медленно выросло
Из нас.

Я когда приезжал
В этот сонный военный город
Посмотреть на тебя
(Так же смотрят на свет из тьмы)
В первый раз,

Мне казалось,
А уж сердце знало наверняка,
Что отныне и впредь
Ему будет ничтожно мало
Этих скромных, скупых визитов издалека.

Сердце знало о том,
Чего люди не говорят
По ошибке и просто так.

То, с чего начиналось, –
Воспаленные чувства, перрон вокзала,
Твой эмалевый взгляд (опалы и синий Кляйн),

А в моем –
Не хочу назад.

Никогда не хочу назад,
Ни на шаг.

декабрь 2014

ГРЕТА

И любой потерпевший
Расскажет тебе о том,
Как любую историю
Двух пострадавших

От рук,
И сердец,
И поступков
Друг друга

По прошествии времени

Можно рассматривать
Либо
Как нечто прозрачное,
Ценное,
Хрупкое:

Бабочку Грета Ото
И ее стеклянные крылья,
Горный хрусталь
И фиал
С заточенной в нем кровью Христа,

Либо
Как нечто стихийное,
Рвущее с жизнью,
Фатальное:

Гибель «Титаника»,
Бхола-циклон с волной в миллионы жизней
И еще с десяток природных бедствий,
Названных женскими именами.

Но, увы
Или к счастью,
Ни то,
Ни другое

Абсолютно

Не наш
Случай.

март 2016

ПОДДАВКИ

Грех – сливать в поддавки унынию;
Днем отлынивал от всего:
Раздражался словами, ныл,
Что порезом – кожа.

Без тебя – ничего –
Решительно невозможно:
Ни еда, ни питье,
Ни усвоенный прежде опыт.

Я попробовал – не идет.

Все равно что жилой аварийный дом:
Света нет, коротит проводка, давно не топят –
Говорят, что снесут вот-вот.

А теперь расскажи: какой у тебя секрет?..

Я бы мог – про центральный Питер,
Стук в одиночный, в «Solo»...
О нелепом стыде дебютного разговора
(Точно школьник рифмует первый влюбленный стих).

Ветер выманил шторы –
Мы знали: уже не стихнет.

Вспоминая теперь, навряд ли бы что-то вытер.
Даже ложный финал: «Провожающие, покиньте... »
И как брел по проспекту – мнимый, худой родитель –
С опустевшей коляской в бледной худой руке...

А бездомный звенел стаканчиком вдалеке,
Сокрушенно просил: «Пожалуйста, помогите...»

август 2017

ВОЗВРАЩАЙСЯ

Странно,
Но всякий раз, когда ты уезжаешь,
Пусть ненадолго,
На несколько серых, влажных, пустых абсолютно дней,
Я вспоминаю,
Что мне бы хотелось писать тебе письма.

По одному – в день.

В первом я бы писал,
Что твоя голова на подушке –
Это птица, лежащая на снегу,
И не ясно – жива или нет.

Второе – сплошь восклицания,
Трепет, сутулые знаки вопросов,
Мальчишество.

Как тогда:
Ты сидела на берегу
С влажными волосами,
А я делал колесо,
Стоя по колено в воде.

В третьем было бы
Только одно слово:
Как просьба,
Как требование,
Как приказ...

Возвращайся.

ноябрь 2017